

Михаил
ЖЕМЦЕВ

Поэт, прозаик. Окончил Литературный институт им. М.Горького. Автор книг «Родство», «Голоса Беловодья», «А все остальное слова!» и других. Заведует Риддерским филиалом музея ТОО «Казцинк».

ГЕРОИ ВОСТОКА

ВЫСОТА ГЕРОЕВ ВОСТОКА

В конце 1968 года в Лениногорский горком партии пришло письмо от военного историка Петра Дунаев, из Москвы. Он в течение пяти лет изучал подвиг защитников плацдарма на правом берегу Дона, возле станции Клецкая. Подполковник переслал лениногорский адрес вдовы одного из воинов-героев Камиля Хузина.

Светла и чиста была жизнь Камиля (Тамеля) Хузина. Бывший батрак, он женился на девушке, работавшей нянькой у сельского богача. С 1924 года они стали жить в горнячком Риддере. Молодой муж не захотел работать на кулака и устроился на горно-промышленное предприятие треста «Алтайполиметалл». Сначала возил воду, была тогда такая профессия – водовоз (водопроводов в 1925 году в Риддере не было), любил играть на гармошке и петь. Часто слышали риддерчане раздольные татарские песни и залихватские русские частушки – это Камиль, сидя возле бочки, украшал свою простецкую жизнь.

Работящим был, весёлым. Рос родной город, вместе с ним рос и Камиль. Выучился грамоте, перешёл работать на комбинатовский внутризаводской транспорт, работал на свинцовом заводе. Перевозил в колотынках свинцовые чушки из плавильного цеха на склад. И повсюду с весёлой песенкой. Хороший из него получился машинист электровоза. Директор завода неоднократно хвалил его за успешную работу. Оттуда, с предприятия, он и ушёл в Красную Армию летом 1941 года. Следом за отцом до конца улицы бежали старшие сыновья – Борис и Николай – провожали его...

– Осталась я одна с четырьмя детьми, – вспоминала Екатерина Гурьяновна Хузина. – Трудно было, не работала я до этого на производстве, занималась хозяйством, растила ребятню. Никакой специальности не имела, поэтому техничкой начала мыть полы в пятой школе. Но вот старший сын Борис в 1944 году устроился на свинцовый завод учеником рафинаторщика. Потом трудиться начал Николай, стало жить ещё легче. Больше всего в это время ждала я писем от Камиля. А их за весь год пришло всего несколько.

Они не успокаивали её, а наоборот, написанные в спешке фразы, бесчисленные недомолвки волновали, заставляли переживать: «...Был в плену. Сейчас

снова бью врагов», «...Когда вернусь, я обо всём расскажу тебе, Катя...», «...Напоминай обо мне ребятишкам, чтобы не забывали...» Короткие немногословные письма. Плохо было без них, но ещё труднее и тревожнее было распечатывать белые треугольники...

В восьми километрах от станицы Клетской на правом берегу Дона расположился хутор Староклецкий. В начале сентября 1942 года здесь, на высоте 115,2, сорок бойцов взвода 216-го Краснознамённого стрелкового полка 76-й Краснознамённой стрелковой дивизии под командованием младшего лейтенанта Михаила Нафталиевича Кабрибова, азербайджанца, вступили в бой с фашистами. Взводу было приказано подавить вражеский дот, захватить позиции и обеспечить продвижение наших войск за Волгу.

Ползком через поле, открытое со всех сторон врагу, первыми у огневой точки оказались сержант Николай Северов, рядом с ним Василий Чижиков, Шаты Джаниев, Юлдаш Иганбердиев, москвич Дмитрий Легин. Так же ползком приблизились к закреплённой пулемётной точке, держа перед собой вещмешки с песком, и забросали ими амбразуру. Дот замолчал, но какой ценой это было достигнуто... Потом, в ожесточённой схватке, штурмовали намеченную высоту и захватили её.

Враг отступил. Но ненадолго, не смогли немцы смириться с потерей выгодного рубежа. Это знали все, и прежде всего одиннадцать, оставшихся от взвода, человек, закрепившихся на высоте: узбеки Абдурахман Ирданов, Диар Ахмедов, Сайхар Пайзиев, Нармурад Хайтов, Сайтер Морданов, Худсейкул Мусаев, Бахрим Аликбеков, Сабир Тленов, казах Бабаяр Гайаров и татарин из казахстанского Лениногорска Камиль Хузин.

Блокируя продвижение фашистов, в течение двенадцати дней они удерживали завоёванную позицию. Особенно тяжёлым был для них день 17 сентября, когда немцы, силою до роты, обойдя с флангов подразделения дивизии, одиннадцать раз предпринимали крупные контратаки. Затем свыше трехсот солдат и офицеров ударной группой двинулись на окружение высоты. Бойцы Кабрибова находились на левом фланге. «На каждый штык приходится около тридцати немцев, – прикинул младший лейтенант. – Умрём, но не отступим!»

На атакующие вражеские цепи обрушился огонь одиннадцати советских воинов. Фашисты вновь и вновь шли вперёд, но каждый раз с большими потерями откатывались обратно. У солдат ещё не просохли гимнастерки после штурма, и опять звучит команда: «Приготовиться!»

Все были и без того готовы. Но все-таки крепче прижал к плечу свой автомат молодой казах Бабаяр Гайаров, горячий, смелый солдат. Перезарядил в пулемете диск его земляк, татарин из Лениногорска, Камиль Хузин. Немцы выползали из-за бугра.

– Пли! – махнул рукой Кабрибов. Дружный залп уложил насмерть первые ряды наступающих фашистов.

Дым застилал глаза. Целый час без передышки длилась перестрелка. Вот несколько немцев подползли совсем близко, и в наши окопы полетели гранаты. Сайхару Пайзиеву и Нармураду Хайтову удалось перехватить их и швырнуть обратно. Прогремели оглушительные взрывы. Стучали автоматные очереди, рвались ручные гранаты. Больше половины наступающей группы гитлеровцев были перебиты. И вдруг – наступила тишина.

В разгар боя тишина всегда кажется страшной, обманчивой... Нет больше патронов... Затихли и немцы, но быстро сообразили, почему прекратился огонь. Стали орать:

– Рус! Сдафайс!

Вот так – молодым ребятам из Казахстана и Средней Азии кричали враги.

– В рукопашную! – скомандовал Михаил Кабрибов и первым схватился с фашистами. Было одиннадцать штыковых атак. Двенадцатая началась в семь вечера и оказалась многим для них последней.

Что-то тяжёлое ударило в грудь младшего лейтенанта, он запомнил лишь расширенные глаза Хузина и дикий крик фашиста, которого ленингогорец пронзил штыком. Это было последнее, что осталось в его памяти о том бое. Красноармеец Камиль Хузин погиб, спасая своего командира. Удержав на несколько часов высоту, они дали возможность нашей части развернуться и отбросить врага за Волгу.

Вместе с девятью погибшими его друзьями-героями он был похоронен товарищами по полку на высоком кургане, в волгоградской земле.

22 сентября 1942 года в политотдел армии поступило письмо начальника политотдела дивизии, в котором он писал: "...Заметив перешедших в контратаку фашистов, товарищ Кабрибов обратился к своим бойцам: "Приготовиться к бою! Назад не отступим". Он был уверен в стойкости бойцов, одиннадцать патриотов приняли решение сражаться до последней капли крови. Их вдохновляла любовь к Отчизне, верность своему народу. Все они погибли, смертью храбрых, в неравном бою, покрыв себя бессмертной славой".

Через несколько дней командир полка майор П.З.Коваленко в наградном листе, где десять воинов-гвардейцев были посмертно награждены орденами Боевого Красного Знамени, а младший лейтенант Кабрибов представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно), писал: "...после того, как не стало у кабрибовцев патронов, они пустили в ход гранаты. Потом Михаил Кабрибов бросил бойцам клич "За Родину, вперёд! Ура!" и первым бросился в штыковую атаку..."

В ноябре 1942 года в Лениногорск пришло письмо:

"Письмо на Родину. Родителям красноармейца Камиля Хузина от командования 216-го Краснознамённого стрелкового полка.

Дорогие родители нашего Камиля Хузина! Враг за последнее время захватил часть нашей территории, стремится отнять у нас родной город Сталинград и Северный Кавказ. Усилилась угроза нашей Родине – Родина в опасности. Народы Советского Союза дружно поднялись на борьбу с кровавым фашизмом. Лучшие сыны народа находятся на фронтах Отечественной войны. За пятнадцать месяцев войны они перебили много немецких головорезов. Наша часть уже год непрерывно сражается с немецкими оккупантами. За это время нами уничтожены десятки тысяч немецких солдат и офицеров и много военной техники. Бойцы и командиры проявили героизм в этой борьбе, за что отмечены и награждены нашим правительством. Среди героев нашей части одно из почётных мест занимает ваш сын Камиль Хузин, который вместе с десятью героями, под командованием младшего лейтенанта тов. Кабрибова сдержал натиск трехсот немецких фашистов. Убито из них сто пятьдесят.

Смертью храбрых погибли сами кабрибовцы в этой борьбе, но врага не пропустили ни на шаг вперёд. Весть об их гибели пронеслась по всей нашей части.

Бойцы и командиры поклялись отомстить немецким оккупантам за смерть героев. Слово свое они сдерживают честно. Уже убито более трёхсот немецких оккупантов.

Отнятая жизнь вашего сына не пропадёт даром. Слава Вам, родные, за воспитание вашего сына-героя Камиля Хузина! Пройдут годы, забудутся страдания людей, заживут раны героев, высохнут слёзы наших жён, подруг и матерей, преобразится страна. Замечательная жизнь будет. Всё забудется, но Героя Отечественной войны, Вашего сына народ никогда не забудет.

С товарищеским приветом командир батальона старший лейтенант Савченко, военком батальона Скрынник, начальник штаба батальона Маслов”.

Вслед за этим письмом на имя Екатерины Гурьяновны, жены Камиля, пришла похоронка. Указана Сталинградская область, село... Точного адреса, где был похоронен Камиль, не было... А ещё позднее – запоздавшее письмо мужа, написанное им перед этим последним боем.

Не верилось женщине, что её мужа нет в живых, всё думала, что какая-нибудь ошибка вышла. Кончилась война, а Камиля всё не было.

Долгое время в армейской части считали погибшими всех одиннадцать героев. Однако с простреленным горлом, в бессознательном состоянии Михаил Нафталиевич Кабрибов и тяжело раненный Абдурахман Ирданов были живыми. Были подобраны местными жителями и спрятаны от ненавистного врага. В 1969 году стало известно, что они живы. В 1972 году, в день 30-летия освобождения станицы Клетской, они впервые встретились после войны. Волгоградский областной Совет депутатов трудящихся, в целях увековечения памяти погибших воинов, присвоил высоте 115,2, где они стояли насмерть против в тридцать раз превосходящего их по численности врага, наименование “Высота одиннадцати героев Востока”.

История донесла до наших дней чудесную легенду о фермапильском сражении. Триста воинов Спарты, во главе с царём Леонидом, защищавших горный проход, погибли, не отступив перед полчищами войск персидского царя Ксеркса. На месте этой исторической битвы поставлен памятник с трогательной надписью: “Странник! Возвести спартамцам, что мы полегли здесь, верные законам Спарты”.

Теперь на подступах к волжской твердыне есть небольшая возвышенность. Когда-то она была безымянной, сейчас у неё есть имя, мужественное и поэтическое, такое же величественное, как Фермапилы: ”Высота одиннадцати героев Востока”. И одним из этих павших бессмертных героев был машинист электровоза Риддерского (Лениногорского) свинцового заводоуправления Камиль Хузин. Память о нём и его друзьях является ярким примером боевой дружбы и братства народов большой страны, вставших в едином строю на защиту Родины.

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС

В предбелковом селе Поперечном есть несколько знаменитых для него фамилий. Одна из них – Абакумовы.

Василий Абакумов родился 20 февраля 1919 года. В 1928 году пошёл в сельскую школу. После четвёртого класса стал животноводом на животноводческой ферме за Убой. В 1938 году вступает в комсомол и назначается разнорабочим

в Попереченском детском доме. В том же году его переводят в сельскую избучитальню, избачом.

27 ноября 1939 года Риддерским райвоенкоматом Василия призвали на действительную военную службу в ряды Красной Армии. Курс стрелка-красноармейца проходил в десятом отдельном учебном запасном стрелковом батальоне в городе Медвежьегорске Карело-Финской АССР. 10 января 1940 года принял военную присягу. Через две недели 18-я разведывательно-пулемётная рота 659-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии была направлена на финский фронт, где рядовой Абакумов участвовал в боевых операциях. Через два месяца закончилась финская кампания, и Василий направлен в кавалерийскую полковую школу. По окончании её, в конце 1940 года, в должности заместителя командира взвода конной разведки и звании старшего сержанта, вернулся в свой полк.

С началом Великой Отечественной войны 659-й стрелковый полк под командованием полковника Шишлова находился в летних лагерях в восемнадцати километрах от города Барановичи и начал движение к Бресту. Четыре раза полк и дивизия попадали в окружение, и четыре раза, с наименьшими потерями, выходили из него. В пятый раз выйти из окружения, в Брянских лесах, уже не смогли. Конная разведка, посланная на станцию Михайловск, вернулась ни с чем, и связь с полком уже совсем была потеряна.

Утром на окраине деревни Шемякино Василий был схвачен фашистами и отправлен в лагерь для военнопленных. По дороге в соседнее село ему удалось сбежать от конвоя. Недели через две, 25 октября 1941 года, в вышеназванной деревне Брасовского района Брянской области, старший сержант Абакумов встретил группу партизан из отряда “За Родину”. Всего в нём было восемнадцать человек, с Василием пришли ещё два бойца, и стало их – двадцать один боец. Он сразу же обратился к командиру с просьбой добровольно принять их в отряд. Из оружия имелось десять винтовок, пять охотничьих ружей, три пистолета да вновь принятый принёс автомат и наган. 7 ноября Абакумов получил боевое партизанское крещение: в ходе операции в деревне Тарасовка из винтовки им были убиты два фашиста.

9 ноября в бою, в той же деревне, огнём из ручного пулемёта он убил ещё одного гитлеровца.

За семь месяцев действия партизанский отряд “За Родину” вырос до тысячи шестисот семидесяти человек, его партизанские группы были в тридцати пяти деревнях и сёлах Камарического района Брянской области. Народные мстители контролировали четыре станции: Холмичи, Кокаревка, Алтухово и разъезд Святое. На вооружении уже состояли: один танк Т-25, одна бронемашина, тринадцать орудий разных калибров, тридцать три станковых и восемьдесят семь ручных пулемётов, полторы тысячи автоматов и винтовок, большое количество патронов и снарядов.

С 6 по 8-е января 1942 года “За Родину”, вместе с отрядами имени Сталина и Николая Сабурова, в ночь под Рождество провели большую операцию в районном центре Локоть. На ста двадцати подводках, около пятисот партизан, без единого выстрела, въехали в указанный населённый пункт, где размещались гитлеровцы и большой отряд полицаев. Стояли сильные морозы. Лошадей оставили в липовой аллее, сразу же окружили здание лесного техникума, где размещался штаб и основные силы немецкого гарнизона, и дом обер-бургомистра Воскобойникова. В

окна зданий полетели гранаты, раздались залпы автоматных очередей. Не потеряв ни одного человека, в результате боя народными мстителями было уничтожено около ста пятидесяти немцев, мадьяр и предателей родины. Василий Абакумов из станкового пулемёта уничтожил шестерых полицейских. Это был первый крупный боевой успех ещё малочисленных партизанских отрядов Брасовского и Сузетского районов.

В начале февраля, после передислокации в селе Игретском, Василий, немного заболевший, со своим товарищем Михаилом Астаховым были оставлены для охраны штаба партизанского отряда. Они пошли знакомиться с местными жителями. Тогда-то и встретился он со своей будущей женой, Валентиной Орловой, помогавшей выхаживать раненых партизан.

Вдруг прибегает партизан из местной охраны и сообщает, что на соседнюю деревню Ольговку, расположенную всего в трёх верстах от Игретского, наступает большой отряд полицейав. Деревенька располагалась на высоте, и все близлежащие места из неё обстреливались. Василий забыл о своей болезни, поставил в сани пулемёт – и в Ольговку.

Когда подъехали на место, полицейские были уже недалеко. Абакумов с Астаховым забрались на ветряную мельницу, установили пулемёт. Когда показались полицейские, открыли огонь. Противник скрылся в ложбине, на поле остались убитые. Несколько раз полицейские поднимались в атаку, но опять же, под огнём партизанского пулемёта прятались под горку. Пулемёт разогрелся, Василий и Михаил приготовили гранаты. Внезапно с противоположной стороны, в тылу противника, послышались знакомое русское “Ура!” и частые выстрелы. Друзья отёрли рукавом поблёкшей гимнастёрки пот с уставших лиц.

18-го февраля 1942 года проводилась крупная операция за село Глинное. Наступали с двух сторон: с одной стороны Навлинский отряд, с другой – отряд “За Родину”. Партизаны были хорошо вооружены. Немцы открыли сильный огонь, но отряд с автоматчиком Василием Абакумовым первым ворвался в расположение врага. Его взводу, которым командовал Николай Осипов, пришлось подползти к гитлеровскому дзоту, и Василий бросил связку гранат в трубу огневой точки. Все фашисты были уничтожены. После этого группа решительным наступлением прорвала линию обороны и соединилась с Навлинским отрядом.

23 февраля 1942 года, в торжественный для Красной Армии день, Василий Абакумов и его товарищи, стоя у знамени в густом, непроходимом лесу, единым отрядом принимали торжественную и грозную партизанскую присягу:

“Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического народа, красный партизан, даю партизанскую клятву перед своими боевыми товарищами – красными партизанами, что буду смел, дисциплинирован, решителен и беспощаден к врагам, не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей советской земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину.

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и жизни своей.

За сожженные города и сёла, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!”

В конце марта партизаны совершили крупный налёт на станцию Камаричи, где полностью вывели из строя водонапорную башню, взорвали здание станции, несколько немецких составов предали огню, уничтожили большое количество гитлеровских солдат и офицеров. На долгое время станция вышла из строя. В мае гитлеровцы бросили около пяти своих полков на уничтожение соединения партизанских отрядов бригады “За Родину”. Тогда самолёты на бреющем полёте летали над сёлами и стреляли по домам трассирующими зажигательными пулями, в результате чего сгорели сразу сорок строений. Жители спасались в погребах. Партизаны вели упорное сопротивление против такой армады, отбивая каждый день то деревню, то село. При обороне села Игрецкое Василием Абакумовым из ручного пулемёта было уничтожено двадцать два фашиста.

Передовой отряд расположился на Коломенском большаке, в пяти километрах от села Глинное Навлинского района, поперёк которого вырыли противотанковый ров. Ровно в восемь утра немцы подошли почти вплотную ко рву и были встречены ураганным огнём из всех видов партизанского вооружения. Много их осталось в том поле убитыми, но через некоторое время фашисты предприняли психическую атаку. И опять дошли до рва и были встречены ответным огнём. Затем было ещё несколько психических атак, закончившихся безрезультатно. Так гитлеровцы узнавали силу партизан.

Прошло ещё некоторое время, и вновь началось наступление. Василий Абакумов со станковым пулемётом был поставлен недалеко от моста через реку Навли, чтобы дать возможность отряду оторваться от превосходящих сил немцев. Перед тем как дать задание, командир отряда сказал:

– Сами знаете – этот бой может быть для вас последним. Главное, помните: в ваших руках судьба отряда.

Партизаны заняли оборону. Фашисты не заставили себя ждать и вскоре появились на мосту. Когда Абакумов дал из пулемёта первую очередь, враг от неожиданности остановился, дал вторую – немцы в беспорядке бросились назад. После нескольких попыток наступающие поняли, что в лобовую атаку партизанский заслон не возьмёшь, они отступили и начали обходить засаду с двух сторон. Одна группа вела огонь, чтобы отвлечь внимание, другие гитлеровцы пошли в обход.

Василий с двумя товарищами, перейдя дорогу, заняли оборону в лесу. Им оставалось одно – биться до последнего патрона, а патронов у них было много. Когда он вновь из “станкача” открыл огонь по карателям, они обратили на него внимание. Зная, что немцы будут бить по тому месту, откуда стреляли в них, партизаны часто меняли свои позиции. Кругом лес, трава высокая, врагам было трудно определить точное местонахождение “абакумовской” пулемётной точки: били из миномётов и орудий. Бой продолжался до ночи, но Василий постоянно менял огневые позиции и был для немцев недосягаемым. На закате солнца немцы погрузились в машины и уехали, ночного леса они боялись.

А партизанский отряд, не имея потерь, отошёл в безопасное место. Когда трое партизан нашли его, все были очень удивлены и обрадованы: никто и не думал, что их друзья останутся живы. На поросшей травой большой поляне, среди вечно шумящего Брянского леса, командир, Василий Иванович Корнеев, спросил отважного пулемётчика:

– Вася, это ты вёл бой с фашистами?

– Да!

Обращаясь к ребятам, с улыбкой сказал:

– Качать Васю!

1 февраля 1943 года В.Я.Абакумов, будучи командиром стрелковой группы, участвовал в выполнении правительственного задания по взрыву железнодорожной магистрали Брянск-Льгов на Борщёво-Пограбском перегоне. Находясь в засаде, выполнял задание, обеспечивая безопасность партизан, работавших на линии.

13 марта, в составе той же спецгруппы, пройдя весь немецкий тыл, выполнил задание командования по связи с частями Красной Армии. Тогда же встретился с партизанами Дерюгинских лесов Курской области, в ночное время перешли линию фронта. В Красной Армии разыскали полковника Польского, которому доложили о выполнении задания. Отдохнув с неделю, вернулись в свой отряд, а части Красной Армии по данным “абакумовской” спецгруппы за несколько дней прошли на запад более ста километров.

19 мая, руководя разведывательно-подрывной группой, участвовал в разгроме гитлеровского гарнизона и штаба полиции в деревне Крупец. Тогда было им уничтожено семь полицейских и один станковый пулемёт.

25 мая группа Василия Яковлевича, в количестве тридцати человек, в ночное время атаковала передовое подразделение карателей, прибывших для уничтожения отряда “За Родину”. Утром фашисты стали наступать, и в урочище Разгары завязался сильный и упорный бой с превосходящими силами эсесовцев. В течение всего дня “абакумовцы” выдерживали этот натиск и только к вечеру, уничтожив до сорока пяти немецких солдат и офицеров, не имея ни одного убитого и раненого, перешли на новый рубеж обороны.

Гитлеровское командование решило уничтожить партизан и сняло с фронта более пяти немецких эсесовских дивизий, высадив их в разных местах Брянского леса. Но эта затея была разгадана, и партизанские соединения, объединившись в большие группы, стали вести с карателями ожесточённые бои. Всё же в районе рек Десны и Нерусы фашисты окружили народных мстителей вместе с мирным населением. В урочище Скуты, утром 30 мая, В.Я. Абакумов, назначенный командиром ударной группы в двадцать человек для прорыва кольца обороны противника, с криками “Ура!” открыли огонь из всех видов оружия и бросились на завтракавших гитлеровцев. Они не ожидали такого нападения и, потеряв убитыми тридцать два солдата и офицера, были обращены в бегство. Благодаря этому группа благополучно вышла из кольца и предоставила возможность выйти из окружения всему отряду. Тогда хваленые эсесовцы бросились к оружию и открыли бешеный огонь из шестиствольных миномётов, но им всё же пришлось отойти за Десну.

Летом шла подготовка Красной Армии к сражению на Курской дуге, и партизанам было дано указание начать “рельсовую войну”. 21 и 27 июля Василий Яковлевич, руководя диверсионной группой, организовал минирование большака Шешуево-Погребы, в результате чего взорвался немецкий мотоцикл с мотоциклистом. Затем взорвал 1225 метров верхней части железнодорожного полотна Брянск-Льгов. Задание было затруднено постоянной охраной полотна усиленными караулами фашистских патрулей, дотами и дзотами, откуда велся интенсивный заградительный огонь.

2 августа 1943 года, в самый трудный момент, в партизанском отряде “За Родину” у Василия Яковлевича и Валентины Николаевны родилась дочь Тамара.

А чуть позднее, с небольшой группой в составе десяти человек, в районе села Девичье Навлинского района, Василий Абакумов организовал из числа перебежчиков, бывших полицейских и военнопленных, партизанский отряд. В течение месяца к нему разными группами перешло более ста двадцати человек, особенно грузин и армян, часть из которых служила в немецкой жандармерии. В это время как раз была прорвана Курская дуга и фашисты отступали. Боевыми операциями стало минирование дорог, сооружение завалов и устройство засад в местах прохода частей отходящего противника. 20 августа командование партизанской бригады южной оперативной группы назначило В.Я.Абакумова командиром отряда “За Родину”. За месяц под его руководством было уничтожено более двухсот немецких солдат и двадцать автомашин противника.

10 сентября 1943 в Брасовском районе народные мстители присоединились к частям Красной Армии. Василий Яковлевич был назначен членом мандатной комиссии, созданной при армии. Через неё проходили все перешедшие из немецкой армии бывшие предатели и изменники Родины, после их направляли на фронт или в штрафные батальоны.

19 сентября в городе Орёл проходил торжественный партизанский парад, где на митинге был принят боевой рапорт орловских и брянских партизан товарищу И.В. Сталину. Орловский обком партии 1-го октября назначил В.Я. Абакумова на работу секретарём Брасовского райкома комсомола по восстановлению народного хозяйства района, разрушенного немецкими захватчиками. 25 апреля 1944 года – председателем Локотского поселкового Совета.

30 ноября 1944 года приказом начальника Центрального штаба партизанского движения ему была объявлена благодарность (временное удостоверение № 46779). 7 февраля 1945 года бывший командир партизанского отряда “За Родину” Василий Абакумов был награжден медалью “Партизан Отечественной войны”, такой же медалью награждена и его жена Валентина Николаевна Орлова-Абакумова.

8 марта 1945 года Абакумов вновь был призван в Советскую Армию. Служил в 16-м отдельном учебном танковом полку, дислоцированном в городе Горьком. В сентябре того же года остался на сверхсрочную службу в военной базе № 37 и летной базе № 608. За успешное выполнение заданий командования по борьбе с немецко-фашистскими захватчиками 3 августа 1949 года Василий Яковлевич Абакумов был награждён орденом Боевого Красного Знамени и медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы”. А 27 марта 1950 года – орденом Красной Звезды. 7 мая 1951 года старшина В.Я.Абакумов начальником военной базы № 37 полковником Голиковым был награждён Почвальным листком “За отличные показатели в боевой и политической подготовке и безупречную службу в рядах Вооружённых Сил СССР”.

В армейской части бывший партизан прослужил до 15 августа 1956 года. Затем демобилизовался и по прибытии в Лениногорск, 17 сентября, устроился на работу в городской отдел внутренних дел. 5 апреля 1958 года за успехи в несении службы по охране общественного порядка старшина милиции В.Я.Абакумов был награждён знаком “Отличник милиции”, имел четыре благодарности и был занесён на областную Доску Почёта отличников милиции. По выслуге лет, 13 сентября 1961 года уволился в запас.

14 ноября того же года В.Я.Абакумов пришёл на работу в карбидный отдел сталелитейного цеха № 1 ремонтно-механической базы Лениногорского полиметаллического комбината. Принимал активное участие в организации и проведении мероприятий по военно-патриотическому воспитанию молодёжи, часто встречался с учащимися школ и учебных заведений города. Здесь он проработал до 11 декабря 1973 года и ушёл на пенсию.

Ушёл из жизни 14 октября 2001 году, похоронен на городском кладбище Первого района. Светлая память настоящему патриоту нашей Родины!

ВЗРЫВНИЦА МАША

В семье большенарымского егеря Антона Тимофеевича и домохозяйки Анны Андреевны Зайцевых, проживавших в селе Балгын, 19 июля 1926 года родилась дочка, которую назвали Машей. В 1935 году она вместе с матерью переехала в областной Семипалатинск, где жила при училище ОСОАВИАХИМа, училась в школе – закончила пять классов.

В воскресенье, 22 июня 1941 года, под музыку духового оркестра, семипалатинцы гуляли на Бабьем острове, когда через репродукторы передали о начале войны. Все сразу побежали в город, узнать последние новости из центра. В 1942 году Мария с матерью переехала в Малокрасноярку Большенарымского района к дяде Фёдору Андреевичу, председателю местного колхоза. Девушка дежурила в сельском совете, когда в сентябре 1943 года из Лениногорского полиметаллического комбината к ним в село приехали вербовщики набирать молодёжь для обучения в фабрично-заводском училище № 5. И Маша поехала в далёкий и неизвестный горняцкий город.

Привезли их на старый необустроенный вокзал, кругом непроходимая грязь. Училище располагалось в доме № 12 по улице Рабочей – здесь сразу и жили, и учились. От общежития до старого двухэтажного здания управления комбината был проложен хороший тротуар, по которому ходили молодые работницы в модных туфлях на Таловскую гору. Директор, Татьяна Романовна Мелова, объявила о том, что обучаться будут восемь месяцев и что набирают две группы: машинистов электровоза и взрывников. Занятия у взрывников вёл Туманян Варган Арапетович, а мастером была Валентина Работнева. Машу Зайцеву записали в группу машинистов, а ей почему-то захотелось стать взрывником. Она для начала стала саботировать обучение по предложенной программе. Тогда Мелова спросила у неё:

– А рисовать-то ты умеешь?

Девушка хорошо рисовала и стала выпускать боевые листки ФЗО. Так стала она стенгазетным художником и обучающимся взрывником, на практику ходила в забой Лениногорского (бывшего Риддерского) рудника. Ещё в 1942 году Совинформбюро передало информацию о том, что Лениногорский рудник Лениногорского рудоуправления стал “лучшим рудником Казахской ССР”, добывая столь необходимый для фронта металл победы – свинец.

Марии очень нравилась всегда обязательная чёткость взрывника, производящего огневые работы под землёй: все эти запалы-капсуля, бикфордовые шнуры и патронированная взрывчатка. 14 июля 1944 года квалификационной комиссией

Ленинаторского рудника ей было присвоено право производства взрывных работ, не опасных по газу и пыли. В это время одна из взрывниц рудника Анна Ларионова почему-то не вышла на работу, и Марии самостоятельно разрешили на девятом горизонте производить подэтажные взрывные работы. Было ей всего семнадцать лет, невысокая ростиком, но всюду носила под землёй увесистую сумку взрывника, в которую помещалось до тридцати килограммов взрывчатки.

Именно тогда мастер смены отправил её отпалить забой там, где стоит “коза”. Девушка пошла и с недоумением стала искать под землёй настоящую козу, бело-бородую. Однако её нигде не оказалось, через полчаса она вернулась и сказала мастеру, что никакой козы на выработке не нашла. Тогда он, посмеиваясь, пошёл вместе с ней и показал, какая на самом деле “там” стоит “коза” – небольшая железнодорожная грузовая платформа для перевозки горных инструментов и оборудования.

Проживала тогда Зайцева в общежитии, возле старого собеса, где в зимние морозные дни было очень холодно. Порою у неё было желание сбежать к матери, в Красноярку, но так не хотелось снова “хвосты быкам крутить” в колхозе.

– Как-то горный мастер отправил меня на шестой горизонт в вертикальный гезенг, где вруб был заранее обурен бурщиками, отпалить двадцать килограммов взрывчатки. Я пошла одна, очень торопилась, чтобы сделать всё как полагается. Когда стала подниматься в подземную выработку, то не увидела, что лестница здесь разрушена и обводнена. Через несколько ступенек я сорвалась вниз, карбидка погасла, и я упала неизвестно куда. Прошла целая смена, но я лежала неподвижно, боясь, что упаду ещё ниже, в отработанную выработку. Уже через двенадцать часов – вижу, по ходовому, внизу, загорелась карбидка, кто-то движется в мою сторону и курит папиросу. Я догадалась, что это горный мастер, и позвала его. Он подошёл ко мне, зажёл мою карбидку, осмотрел меня, а у меня все колени были содраны при падении до крови.

Но несмотря на все эти недоразумения, с первых же смен Мария старалась делать работу свою хорошо. Это было отмечено руководством горного участка и рудника, она стала стахановкой военного времени. Как и полагается, после ударной вахты, в последнюю очередь, наша взрывница и многие передовицы с городских предприятий шли в столовую, где их ожидал стахановский обед: на первое блюдо – наваристый борщ (погуще), на второе – картошка с большой котлетой, на третье – компот. Но кроме этого – дополнительная порция хлеба и ... бутылка водки. Конечно, по отношению к последнему поступали однозначно – спиртное меняли у мужчин на хлеб. Затем парторг рудника вручил Марии заслуженную премию – десять рублей.

Запомнилось М.А.Зайцевой, как она заряжала большие забои, обуренные стахановцем-орденоносцем Г.Г.Хайдиным. Интересно, что он сам контролировал процесс зарядки, наблюдая, чтобы взрывники полностью исполняли его требования и пожелания.

– Однажды меня направили на горный блок произвести взрыв с патронированной взрывчаткой и бикфордовыми шнурами. Я в забое смонтировала боевики с бикфордовыми шнурами и подожгла их: “Гори-и-ит!” Стала перепрыгивать с полка на полку, считая секунды. В этот момент карбидка снова погасла, и я оказалась “спрятанной” в неизвестном мне гезенге. Я забыла, сколько полков перепрыгнула (а оказалась на последнем), стала пятиться назад и оказалась в

рассечке. Испугалась – раздался взрыв! Я открыла глаза – стою спиной в рассечке и мимо меня пролетели оторванные куски породы. Спасло углубление горной выработки, взрывная волна прошла как раз мимо. Это уже в 1945 году на наших рудниках появились аккумуляторные фонари. Тогда же стали выдавать новую прорезиненную спецодежду и резиновые сапоги.

Кроме основной работы, девушки-взрывницы два раза в месяц работали на подкидке руды в Сокольном руднике. Маша видела, как они приноравливались к широкой горняцкой лопате, с какой быстротой работали под землёй в перекидку – перебрасывая руду с одного места на другое и затем – в колотынку. Вентиляция под землёй была слабовата, в забоях душно и жарко, иногда до плюс сорока. Поэтому девчата снимали верхнюю робу и работали сообща на все сто процентов.

В то время там всюю использовалась конная откатка, и для трёх девушек выделялось по две колотынки, которые цеплялись к конной тяге. Кроме Маши и её подружек из других городских предприятий, рядом работали еще три неизвестных привлечённых девушки. Однако Зайцева увидела, что прямо над ними, в кровле забоя, ощерился крупный закол, о чем она сообщила начальнику участка и горному мастеру. Руководители приказали принести в выработку крепёжный материал, и крепильщики пятиметровым колодцем закрепили кровлю забоя. Начальник уверенно сказал:

– Теперь хорошо! Всё – выстоит!

Однако Маше эта “городьба” не понравилась:

– Мы здесь работать не будем!

И она с подручными развернулась и ушла, следом за ними пошли и другие девушки. Именно в это время “колодец” проломился, и огромный закол с грохотом и пылью упал вниз. Волна от его падения пронеслась по штреку, упавших девушек засыпало горной мелочью. Тут же прибежал мастер, стал осматривать девушек. От волнения он даже стал заикаться: “О-о-ой, де-е-е-во-о-о-ньки! Как хорошо, что вы все живы и здоровы!”

Однажды, в начале 1945 года, вместе с главным инженером Лениногорского рудника Д.В.Астраханцевым Мария готовила к взрыву подготовленное место в подэтажке девятого горизонта. Патронированной взрывчаткой заряжала шпуры, которые прочищала металлической “чищалкой”. Когда смонтировали систему и подожгли шнуры, подали команду: “Горит!”, стали удаляться от места взрыва. Взрывница несла на плече свою “чищалку” и неожиданно коснулась ею троллея, произошло замыкание, и девушка, поражённая током, упала. Астраханцев подхватил её на руки, стал просить и кричать, чтобы она дышала. Главное было привести пострадавшую в чувство! Через несколько секунд Маша пришла в сознание и с благодарностью смотрела на своего спасителя.

В том же году она получила новую спецодежду с резиновыми сапогами, которые у неё украли. Маша села и заплакала. Проходивший мимо парторг рудника обратился к ней:

– Ты почему плачешь на рабочем месте?

– Да у меня новые сапоги украли, как теперь мне работать под землёй?!

– Ну, это мы можем исправить! Только ты береги доверенные тебе ботинки.

Он дал задание, и Марии выделили трофейные американские ботинки, такие высокие, с большими шнурками. Вот это была настоящая красота!

Особенно запомнила Зайцева, как трудились военнопленные немцы под землей, которые называли взрывницу “Микки Маус!” (за малый рост и большую сноровку). Они почему-то считали, что Маша настоящая немка, и периодически спрашивали, где у неё “фатерлянд”, откуда она родом.

В любом месте их работы соблюдалась идеальная чистота, забои всегда тщательно подметены, всё инструменты и небольшое горно-шахтное оборудование в подбурках на гвоздиках по бортам развешено. Работали пленные так же хорошо но и гибли под землю иногда: то от заколов, то от угарного газа.

Среди японских военнопленных, которые тогда, в конце 40-х, строили будущую гостиницу “Алтай”, был один (скорее всего офицер), который, видя Марию, отдавал ей честь и говорил: “Сдра-а-асьте!” Нужно было с ним обязательно поздороваться, иначе он будет продолжать приветствовать тебя, пока не услышит ответное приветствие. Этот японец постоянно бывал в госпитале, оказалось, что он хирург.

Вскоре всех военнопленных отправили в Германию и Японию, а у нас остались построенные ими здания, дорога-брусчатка, а также память о совместной работе под землёй.

В 1948 году 13 ноября Мария Антоновна вышла замуж, стала Поступинской, появились два сына: Валерий и Владимир. Пришлось уволиться с работы, воспитывать детей. В 1959 году она вновь работает взрывником четвёртого разряда, а затем кладовщиком-раздатчиком в шахте. В ноябре 1965 года переводится на Тишинский рудник взрывником-раздатчиком, а в октябре 1972 года увольняется на пенсию по старости.

Сегодня взрывница Маша в добром здравии, печёт вкуснейшие пирожки и с удовольствием угощает ими гостей.

ПОДАРКИ ДЛЯ ФРОНТА

Памятный 1915 год. По пыльной просёлочной дороге, петляющей между сопками, вместе со взрослыми шагал двенадцатилетний Алмазин Булюков в поисках куска хлеба. В селе Выдрихе Верх-Убинского уезда один из местных богатеев взял мальчишку в батраки. Девять лет гнул спину на кулака Булюков.

– Горек, ох как горек был этот кусок хлеба, – вспоминал он потом. – От зари до зари, в стужу и в жару приходилось работать, переносить унижения и побои.

В 1924 году Алмазин Булюков собрал свои немудрёные пожитки и начал трудиться в системе риддерских предприятий, добывающих металл.

– Приходилось в течение четырёх лет работать на лесозаготовках на реке Журавлихе – сплавлял крепёжный лес для шахт комбината. Лопатами с сотнями других грабарей копал русло канала Громатуха-Хариузовка. Строил по анналам ГОЭЛРО Верхне-Хариузовскую ГЭС, – говорил А.Булюков, – но трудности не страшили – к труду я привык с детства.

А когда построили гидростанцию, подвозил руду к свинцовому заводу. В то же время, в 1927 году, вступил в партию. Но мысль приобрести специальность не покидала его, и в 1928 году поступает в электролитный цех свинцового завода: работал прессовщиком, катодчиком, бочуковщиком. Одновременно учился в Доме шахтёра грамоте.

Любознательность и трудолюбие помогли сравнительно быстро освоить производство. Спустя два года он уже стал сменным мастером цеха, изучил сложный процесс получения кадмия и сурьмы только высокого качества. Его смена стала образцовой в цехе, а он был награждён почётной грамотой пятнадцатилетия и двадцатилетия республики.

В 1935 году, когда в стране ширилось стахановское движение, Алмазин Булюков работал за троих. В 1937 году его назначили старшим мастером электролитного цеха, он исполнял обязанности машиниста и бочуковщика. За это он был послан риддерцами на слёт стахановцев и спустя четыре года награждён значком “Отличник социалистического труда”.

Знали его и как активного общественника. С 1930 по 1946 годы он был секретарём партийно-комсомольской группы электролитного цеха. В 1939 году труженики завода выдвинули его депутатом городского Совета. Всего он девять раз избирался городским депутатом.

С началом войны, когда многие опытные рабочие электролитного цеха ушли на фронт, Алмазин возглавил комсомольско-молодёжную бригаду, состоящую в основном из девушек. Обучал их секретам производства кадмия, трудились они, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем. Девизом их, как и миллионов простых советских людей, был в то время призыв: “Всё для фронта!”. Вот как вспоминает его секретарь комитета комсомола завода Павел Вишняков:

– Это был замечательный, душевный человек. Глаза его всегда излучали тепло и ласку. Он очень жалел молодёжь, заботился о ней. Когда у кого-нибудь из девчат что-то не ладилось, они шли за советом и помощью к своему старшему мастеру: он не нашумит, не отчитает за допущенную промашку в работе, а успокоит, подскажет, как выйти из затруднительного положения.

Не раз мне приходилось видеть, как Алмазин подойдёт, бывало, к заплаканной девушке, а в цехе работали в основном девушки семнадцати-девятнадцати лет, ласково погладит по голове, поинтересуется, что стряслось, скажет несколько подбадривающих слов. Человек буквально преображается на глазах, успокаивается. И молодёжь отвечала ему на это трогательной любовью и уважением, старалась не подводить своего наставника, работала с полной отдачей сил.

Затем Булюков встал на стахановскую вахту по выплавке необходимого для фронта свинца, постоянно перевыполнял плановое задание. Он, конечно, знал о том, что в городе, в преддверии предстоящей зимы 1942 года организован сбор тёплых вещей. Городская газета сообщала, что их уже свыше трёх тысяч: механик завода Ф.И.Лозин первым принёс новый полушубок, новые валенки, ватные брюки и шерстяные варежки. Эти вещи ленингорцы собирали под лозунгом: “Тепло оденем бойцов фронта!”.

Находившийся на излечении в одном из городских госпиталей поэт Александр Оленич-Гнененко по этому случаю написал броское стихотворение, а художники создали плакат, который поместили в “Агит-окне”: “Полушубок знаменитый приготовил фронту Пров, есть у бабушки Улиты пара новеньких пимов. Старший внук спешит за бабкой: – Пропустите, мой черёд! Хороша такая шапка против всяких непогод! Внучка тоже тут сказала два, заветные, словца: – Рукавицы я связала для отважного бойца! Младший внук подходит следом, он письмо принёс с собой: – Сам на фронт сегодня еду, биться с подлой немчурой!”

В декабре 1941 года вагон с подарками для воинов Северо-Западного фронта был готов к отправлению. И не случайно именно знатному металлургу заводоуправления, замечательному производственнику Алмазину Булюкову поручили сопроводить его до пункта назначения горком партии и горисполком.

“Посылаем Вам, дорогие товарищи, новогодние подарки и свой пламенный привет, – писали в своём письме ленингорцы. – Пусть наступающий 1942 год станет годом побед Великой Родины... Пусть будут ещё сокрушительнее ваши залпы. Мы дадим ещё больше свинца, не жалейте его, крепче бейте фашистских бандитов”.

Что же послали ленингорцы на фронт? Конечно, сухарей разных 1342 килограмма (106 ящиков), пряников 671 кг (43 ящика), сушек-баранок 486 кг (18 ящиков), 355 пачек табака, два мешка сахара, по две бочки мёда и квашеной капусты, два ящика мыла хозяйственного, три ящика рыбы, пять ящиков масла сливочного, семьсот килограммов колбасы, двенадцать ящиков консервов. И, конечно, “наркомовские” – спирт (12 ящиков), водка особая “Московская” (40 ящиков) и вино красное разных сортов (37 ящиков). Кроме этого – полушубки, ватники, валенки, варежки. В каждую тёплую вещь свои письма вложили. 24 декабря в большом пульмановском шестидесятитонном вагоне, художественно оформленном, доверху нагруженном подарками, А. Булюков выехал на передовую.

– Ехал долго. К фронту ехал не прямо, а через Вологду на Бологое. Приехал туда к концу года.

В декабре прибыли на станцию Бологое. Ночь была светлая, лунная, и мороз лютый... Фашисты воспользовались этим и сделали налёт авиации на станцию. Благодаря смекалке железнодорожников, работавших под огнём врага, вагон с подарками был отцеплен и спасён. Составитель показал, как пройти к коменданту станции. Но комендант дальше ехать не разрешил...

Утром на легковой машине в Бологое прибыли три офицера из части, в которую ехал ленингорский посланник.

– Откуда? – спрашивают.

– Из Восточно-Казахстанской области.

– Как здоровье?

– Спасибо, – ответил Булюков, – ничего.

– Не замёрз?

– Да нет.

– А покушал что-нибудь?

– Спасибо. Мне бы побыстрее к фронтовикам, новогодние подарки вручить.

Посоветовались командиры, переглянулись и говорят:

– Сейчас нельзя ехать. Опасно. Зона в пятнадцати километрах...

А главный сказал:

– Накормите товарища, вымойте в бане, оденьте, пусть отдохнёт. Покажите пленных.

Вагон принял и дал расписку мне. Приехали они через три дня на машине, 31 января прибыли на фронт в направлении к Старой Руссе, лесами. Дальше ехать было нельзя.

Привели Булюкова в часть недалеко от станции Медведково. Наутро в большой казарме-землянке хорошо его встретили фронтовики. Немедленно к вагону прибыли политруки, а затем и комиссар. Алмазин выступил с небольшой речью:

– Я из Лениногорска, от коллектива свинцового завода. Мы работаем не покладая рук. Всё для фронта, всё для Победы!

1 февраля 1942 года Алмазин передал по акту подарки, перевезённые на Северо-Западный фронт в вагоне №831297, представителям армейской базы: батальонному комиссару Пестовскому, старшему политруку Долматову и младшему политруку Посохову. Бойцы горячо благодарили, а военный фотограф снял, как вручались подарки. Почётного гостя после этого пригласили на дивизионную базу, накормили, обогрели, отвезли на квартиру в город.

– Никогда не забыть мне тех минут... – вспоминал позднее А.Булюков. – Я сфотографировался с воинами. Фотография и речь моя были напечатаны через несколько дней во фронтовой газете.

Всего три дня был он на передовой, беседовал с представителями командования в политуправлении штаба фронта. Все с огромным интересом спрашивали о Лениногорске и о том, как работают горняки и металлурги на своих предприятиях, кто у них стахановцы. Фронтовая газета напечатала сообщения о приезде Алмазина на фронт с подарками для воинов, о передовиках и инженерах далёких таёжных предприятий, помогающих громить врага.

Фронтовые друзья показали Булюкову один из укрепленных участков противовоздушной обороны, искусно замаскированные грозные советские зенитные батареи, ознакомили с бытом красноармейцев-зенитчиков. Металлургу понравилось, что в блиндажах тепло и чисто, красноармейцы бодры и веселы, одеты и обуты замечательно, питание прекрасное. Они заверили гостя: “Мы уничтожим фашистских гадов, так и передайте лениногорцам!”

Алмазин наблюдал ночной бой наших зенитчиков с немецкими самолётами, которые летели очень высоко, снижаться не смели. Но и на этой высоте огонь советских зениток наводил на них страх, сбивал с боевого курса. Потом он осмотрел боевые трофеи – немецкие танки, самолёты, орудия, автобусы, мотоциклы и т.д. Показали и пленных немцев – большинство пожилые, с дряблыми усталыми лицами. Алтайский металлург понял, что Гитлер потерял на советско-германском фронте отборные кадры и затыкает “дыры” отбросами. Булюков побывал и в городах, где ещё недавно хозяйничали фашистские бандиты, видел, как советские люди наводят в них порядок.

Лениногорские подарки были выгружены из вагона и доставлены на дивизионную базу. Здесь их расфасовали на равные посылки (каждая на двух бойцов), аккуратно запаковали и распределили по воинским частям. Когда Алмазин прощался с фронтовиками, красноармейцы, командиры и комиссары просили его передать привет всем трудящимся Лениногорска, просили их трудиться и больше помогать фронту. Знатный металлург ответил: «Передам ваш привет. А вы бейте фашистов беспощадно, гоните их с родной советской земли. Когда дойдёте до Берлина, я туда приеду, подарки лениногорцев привезу!»

Это пожелание вызвало горячий восторг фронтовиков. Потом армейская газета вышла, и там была вся речь А.Булюкова и фотография.

Возвращаться пришлось с большими трудностями. Алмазин не столько ехал, сколько шёл. От Бологого до Калинина (Твери) пешком. Дальше – где на подножках вагонов, где на товарнике, где на машине. Было холодно, но благодаря заботе фронтовиков – они дали Булюкову тёплую одежду и продукты – он не страдал от морозов.

Военный комендант станции Калинин узнал, что я из Казахстана, и показал мне разрушенный немцами город. Не было ни одной улицы не разрушенной, уцелел только вокзал, около него лежали сотни разбитых, отнятых у фашистов трофеев.

Добирался до Алтая пять месяцев. Были большие простои из-за бомбёжек и разрушений дорог. Сидел по полмесяца и по месяцу. Когда доехал до Москвы, обрадовался, будто в родной Риддер приехал. Лишь в конце мая прибыл на родной завод.

Следует отметить, что впоследствии А.Булюков, который в течение двадцати лет верой и правдой служил народу как депутат городского и областного советов, стал Почётным гражданином города Лениногорска (Риддера). Награждён орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями “За доблестный труд в Великой Отечественной войне” и “За доблестный труд”. Неоднократно ему вручались грамоты Верховного Совета Казахской ССР.

Ушёл из жизни в апреле 1979 года.

Отправка посылок и вагонов с подарками на фронт продолжалась и в последующие годы. В октябре 1943 года эшелон с гостинцами от трудящихся Восточного Казахстана сопровождали старший электрик второй обогатительной фабрики Лениногорского рудоуправления А.И.Кокорин и председатель колхоза Кировского района Г.Н.Кузьмин. Исключительно тепло прошла встреча у них сначала с бойцами дивизии дважды Героя Советского Союза генерал-майора А.П.Белобородова, затем с воинами легендарной панфиловской дивизии, которой командовал генерал-майор Чистяков. Посланцы Рудного Алтая побывали в роте, которую прославили на всю страну и весь мир двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев.

А.И.Кокорин и Г.Н.Кузьмин встретились со многими земляками-восточно-казахстанцами, с командиром разведывательной роты гвардии старшим лейтенантом Савельевым, до войны работавшим начальником пожарной охраны Лениногорска. За проявленное в боях бесстрашие он был удостоен четырех правительственных наград.

До конца 1943 года из Восточного Казахстана на фронт поступило ещё более восьмидесяти тонн подарков. Всего за годы Великой Отечественной войны от области было собрано и отправлено на фронт более двухсот тысяч штук теплых вещей, свыше одной тысячи тонн подарков, из них триста восемьдесят тонн для защитников города-героя Ленинграда. Значительная часть была внесена трудящимися Лениногорска, которые собрали для воинов Красной Армии свыше тридцати тысяч штук тёплых вещей, отправили на фронт шестнадцать вагонов коллективных и индивидуальных подарков.

